

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 2 (42). С. 135—142.

Economic and Social Research. 2024. No. 2 (42). P. 135—142.

Научная статья

УДК 1:316.42

doi: 10.24151/2409-1073-2024-2-135-142

<https://elibrary.ru/rzcxaw>

Проблемы и противоречия модернизации социального бытия в западноевропейской культуре

М. С. Кальней

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

marina.kalnej@yandex.ru

Аннотация. Выполнен анализ представлений о цивилизации и прогрессе как желаемых результатах модернизации социального бытия. Обозначены не только признаки цивилизованного общества, в котором модернизация представляет собой переход к более развитым формам социального бытия, но и ряд тенденций, указывающих на близость западноевропейского общества к финальной, отмирающей стадии культуры. Рассмотрены факторы проявления этой трансформации в характере технологических инноваций, а также в превращенном понимании личности и ее свободы. Утверждается, что с этим во многом связан мировоззренческий раскол современного общества и вызванные им противоречия социально-политической практики западноевропейских государств.

Ключевые слова: современность, цивилизация, культура, технологический прогресс, социальный прогресс, нравственный прогресс, личность, свобода, противоречия, модернизация, социальное бытие, западноевропейский социум, социально-политическая практика

Для цитирования: Кальней М. С. Проблемы и противоречия модернизации социального бытия в западноевропейской культуре // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 2 (42). С. 135—142. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-2-135-142>
EDN: RZCXAW.

Original article

Problems and contradictions of modernization of social existence in Western European culture

M. S. Kalney

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

marina.kalnej@yandex.ru

© Кальней М. С.

Abstract. The author has carried out the analysis of ideas about civilization and progress as desirable results of modernization of social existence. Not only the signs of a civilized society are outlined, in which modernization is a transition to more developed forms of social existence, but also a number of trends indicating the proximity of Western European society to the final, dying out stage of culture. The factors of manifestation of this transformation in the nature of technological innovation, as well as in the transformed understanding of personality and personal freedom, are considered. It is argued that the worldview split of modern society and the resulting contradictions in the socio-political practice of Western European states are largely related to this.

Keywords: modernity, civilization, culture, technological progress, social progress, moral progress, personality, freedom, contradictions, modernization, social existence, Western European society, socio-political practice

For citation: Kalney M. S. "Problems and Contradictions of Modernization of Social Existence in Western European Culture". *Economic and Social Research* 2 (42) (2024): 135—142. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-2-135-142> EDN: RZCXAW.

В настоящее время геополитические процессы обуславливают развитие концепции, в которой Россия выступает как особая цивилизация, место которой в мировом сообществе претерпевает глобальные изменения (требует осмысления). Согласно практике последних десятилетий, тотальное отрицание опыта интеграции России в мировое сообщество является ошибочным и содержит ряд противоречий. Устранение коммунистической системы и «железного занавеса» было воспринято как старт к интеграции России в сообщество государств, основанных на рыночной экономике и либеральной демократии. Этот процесс воспринимался как модернизация и возвращение к норме социального бытия, искаженной коммунистическим социальным экспериментом. Именно этот аспект рыночной трансформации России отмечает Е. Т. Гайдар: «Это значит, что частная собственность в России гарантирована, что рынки не будут развалены, что созданные молодые институты гражданского общества получают возможность жить и развиваться, постепенно дисциплинируя власть, заставляя с собой считаться» [2, с. 362]. Подобные стороны либерально-рыночной модернизации выделяет российский экономист и социолог В. Л. Инозем-

цев¹: «За крайне редким исключением, современные страны объединены приверженностью правам и свободам человека; готовы принимать практически любые социальные новации; признают успешность каждого гражданина условием и основой успеха всего общества; стремятся быть толерантными и максимально эффективно участвовать в процессах глобализации» [4, с. 347]. Иными словами, здесь отмечается основной тренд развития общества, который распространяется на институты рыночной экономики и гражданского общества и заключается в следующем:

- ограничение влияния государства на жизнь граждан и усиление контроля граждан за государством;
- внедрение высоких технологий и инноваций (основное свойство экономического и социального бытия);
- приоритет интересов индивида над интересами любого рода общности (семейной, этнической, религиозной);
- глобализация экономических, политических и социальных процессов.

Все эти элементы рассматриваются в общественном сознании как признаки общества цивилизованного, как стандарт развития

¹ Иноагент.

и существования для каждой социальной системы. Отказ же от этих принципов рассматривается как тупиковая ветвь социального развития, обрекающая социальную систему на проигрыш в глобальной конкуренции и необходимость модернизации в соответствии с нормами так называемого цивилизованного бытия.

Однако текущая социальная реальность выявляет противоречия социального идеала, сформированного после распада социалистической системы: геополитические процессы последних лет зачастую рассматриваются как противостояние леволиберальной и правой консервативной социальных моделей. Это противостояние обнаруживает в себе тенденции к расколу социума на две противоположные системы мировоззренческих позиций — ценностных ориентаций и социально-политических оценок. Сам факт такого раскола исключает единую тенденцию в цивилизационном развитии и выявляет неизбежность цивилизационного выбора. В связи с этим очевидна необходимость рассмотреть иную интерпретацию понятия «цивилизация».

Альтернативой представлению о цивилизации как высшей по отношению к дикости и варварству форме человеческого бытия, служащей целью и смыслом существования социальной общности, выступает позиция О. Шпенглера. Немецкий мыслитель рассматривал цивилизацию как финальную, отмирающую стадию развития культуры. На этой стадии «вместо мира — город, одна точка, в которой сосредоточивается вся жизнь обширных стран, в то время как все остальное увядает; вместо богатого формами, сросшегося с землей народа — новый кочевник, паразит, житель большого города, человек абсолютно лишенный традиций, растворяющийся в бесформенной массе, человек фактов, без религии, интеллигентный, бесплодный» [12, с. 69—70].

Обращает на себя внимание содержательное сходство этих представлений

с выводами современного исследователя Р. Райта: «Ироничное самосознание — признака нашего времени. Большинство современных ток-шоу замкнуты сами на себе (шутки про шпаргалки с текстом, написанные на шпаргалках; камеры, снимающие другие камеры). Архитектура теперь тоже об архитектуре (архитекторы шутливо и иногда покровительственно смешивают приемы разных эпох и приглашают нас вместе посмеяться над результатом). Серьезность — главный порок, выдающий постыдную наивность» [7, с. 428].

Иными словами, культура как органическое средство выражения «души народа» вырождается в механическое воспроизведение самой себя, неспособное создать новые формы бытия и новые образы мысли. Идеалы и ценности считаются доведенными до абсурда (или сознательно доводятся до абсурда с целью выявить их несостоятельность). Все эти факты указывают на переход культуры в стадию упадка и отмирания.

Опровергающими эти утверждения сегодня считаются такие факторы социальной реальности, как выраженное технологическое преимущество западноевропейской цивилизации, развитие высоких технологий, гарантий свободы личности, социальной справедливости, усиление социальной солидарности. Таким образом, было бы корректно говорить не об упадке западноевропейской цивилизации, а о развитии цивилизации качественно новой. С одной стороны, это означает упадок и разрушение цивилизации индустриальной, с другой — рост и развитие цивилизации информационно-компьютерной. Это положение обозначает Э. Тоффлер в работе «Третья волна»: «Третья волна несет с собой присущий ей новый строй жизни, основанный на разнообразных возобновляемых источниках энергии; на методах производства, делающих ненужными большинство фабричных сборочных конвейеров; на новых не-нуклеарных семьях; на новой структуре, которую можно бы назвать

“электронным коттеджем”; на радикально измененных школах и объединениях будущего» [8, с. 33]. Здесь, следовательно, цивилизация рассматривается как очередная стадия технологического и социального развития, со своим укладом жизни, при этом качественное отличие одной «волны» цивилизации от другой не влечет за собой аксиологического оценивания. Приход новой стадии цивилизации представляется неизбежностью, порожденной логикой исторического развития, что делает бесполезными попытки искусственного сохранения прежней стадии развития социума (аграрной или индустриальной).

В этом аспекте понимания исторической неизбежности В. Л. Иноземцев¹ противопоставляет страны «современные» «несовременным»: «Следуя принципу рациональности, наиболее успешные общества на протяжении последних десятилетий постоянно пересматривают исторически сложившиеся представления о нормальном и допустимом ради создания для своих членов более комфортных <...> условий существования и потому поступательно движутся вперед» [4, с. 205]. Иначе говоря, прогресс как условие цивилизации направляет социум в сторону отказа от традиций ради создания более комфортной среды, дающей возможность так называемого развития для каждого индивида. За счет этого достигается *прогресс технологический* как развитие инноваций, обеспечивающих более комфортное существование, *прогресс социальный* как создание форм отношений, которые способствуют самореализации каждого индивида в соответствии с его личными потребностями и ценностями, а также *прогресс нравственный* как переоценка тех догм, которые препятствовали свободному развитию индивида. В настоящее время представление о нравственном прогрессе связано с распространением стереотипов о ценностях патриотизма, религиозной веры, семейно-нравственных ценностях, — стереотипов, которые служат инструментами тоталитарного подавления лич-

ности и манипулирования. Антиподом общественной нормы следования традициям в нравственном развитии как корневой системы общечеловеческих ценностей является сегодня так называемый нравственный прогресс, который рассматривается как отрицание религиозной, исторической и семейной традиции ради права индивида самостоятельно выбирать свою идентичность, вне давления со стороны государственных структур, религиозных институтов и семейного окружения.

Современное представление о реализации целей прогресса технологического, социального и нравственного в западноевропейском либеральном обществе, противопоставляемом авторитарным сообществам Востока, обнаруживает ряд противоречий. Одно из них выявляется в работе американского социолога Р. Флориды «Креативный класс: люди, которые создают будущее». Исследователь отмечает, что первая половина XX в. представляла собой период существенных технологических изменений с сохранением традиционной социальной структуры, тогда как вторая половина XX в. была скорее периодом оптимизации технологических изменений начала века, не изменяющей их в существенном аспекте. Однако в этот же период происходили существенные изменения социокультурного плана [10, с. 27—30].

Указанные тенденции можно было бы рассматривать как свидетельство полной модернизации общества, — модернизации технологической и социокультурной сфер, перехода к качественно новой среде обитания, к изменению мировоззрения, системы ценностей, образа жизни. Противоречие здесь заключается в том, что изменения социально-этического характера не сопровождаются изменениями технологическими. Существенные изменения в понимании нормы и, соответственно, отклонения от нормы затрагивают сферы семейных отношений, идентичности человека, исторической памяти и традиций. Казалось бы, это подтверждает выводы Э. Тоффлера о новой

реальности постиндустриальной цивилизации с новыми представлениями о мире и человеке. Однако этому выводу противоречат факты распространения новых технологий. Во-первых, распространение качественно новых источников энергии представляется недостаточным, а проблемы их использования идеологизируются, в частности при постановке вопроса о переходе к *зеленой энергетике* больше внимания уделяется этическому аспекту защиты окружающей среды, а не эффективности применения источников энергии. Во-вторых, распространение высоких технологий больше затрагивает сферы государственного управления и домашнего хозяйства, тогда как в реальном секторе экономики, в основном в промышленном производстве, сельском хозяйстве, транспорте, сохраняются оптимизированные модификации технологий середины прошедшего столетия. Качественных изменений в технологиях реального сектора, которые ожидалось футурологами прошлого века, не наблюдается. Это явление обнаруживает в себе подобие представлениям О. Шпенглера о финальной стадии развития культуры: отсутствие способности к созданию качественно нового и механическое воспроизведение самой себя.

Сходные тенденции проявляются и в новой этике, в такой отличительной ее черте, как моральный релятивизм. Культура — в части представлений о мире и человеке — включает в себя также и определенную систему ценностей, зачастую сакрализированных и требующих безусловного принятия и подчинения. Вместе с тем моральный релятивизм превращает систему ценностей в предмет постмодернистской иронии и сводит все мотивы поведения индивида к животным инстинктам. Эта особенность, а также сама суть постмодерна — цитирование и воспроизведение ранее созданного культурного контекста — указывает на содержательное сходство с представлениями Шпенглера об упадке культуры и неспособности дать какое-либо

положительное содержание представлениям о мире и месте в нем человека.

Таким образом, проблемы цивилизационного выбора несводимы к расколу между левой (либеральной) и правой (консервативной) социально-политическими моделями и требуют осмысления, в котором целесообразно обратиться к пониманию цивилизации как предела в развитии культуры. Этот предел может пониматься как высшая стадия развития, но может интерпретироваться и как переход культуры в свою крайнюю, превращенную форму, финальную для культуры.

Особого внимания заслуживают и характерные для западноевропейской культуры представления о личности человека. Широкое распространение получило положение о том, что идентичность личности не является чем-то данным от природы и неотъемлемым, что особенно явно наблюдается в подходе к проблеме иммиграции и национальной идентичности. Общеизвестно, что для либеральной идеологии ценности процессуальной законности, верховенства права, индивидуальной полезности более значимы, чем ценности, связанные с коллективными интересами и сохранением национальной идентичности. Последняя рассматривается как социальный миф: «Если люди с совершенно иным генетическим наследием могут усвоить культурное наследие нескольких поколений жителей принимающей их страны, — пишет И. Крастев, — то национальная идентичность не отражает кровной связи нынешнего поколения со своими умершими предками» [5, с. 269]. Иными словами, идентичность личности основана не столько на заданных генетически и социально факторах, сколько на личном выборе самого индивида. В связи с этим утверждением представляется значимой концепция «модульного человека», выраженная Э. Тоффлером в работе «Шок будущего»: «Мы не воспринимаем человека в целом, а включаемся, как вилка в розетку, в один из модулей

его личности. Каждая личность может быть представлена как некая уникальная конфигурация из тысяч таких модулей» [9, с. 113]. С одной стороны, идентичность личности сохраняется в силу уникальности конфигурации «модулей» (т. е. идентичностей, социальных статусов и ролей). С другой стороны, само представление об идентичностях как о наборе «модулей» указывает на возможность их произвольного изменения. Эта особенность рассматривается Тоффлером как возрастание свободы индивида: «Отдавать предпочтение обществу, в котором индивид имел бы холистические отношения с немногими, а не модульные отношения со многими людьми, — это значит желать возврата к тюремной жизни прошлого — того прошлого, в котором индивиды были гораздо теснее связаны друг с другом, но в котором их жизнь была сильнее регламентирована социальными условиями, сексуальной моралью, политическими и религиозными ограничениями» [9, с. 115]. Иными словами, национальная и религиозная традиция, общественные нормы и политические институты здесь рассматриваются как элементы, ограничивающие свободу выбора идентичности. Новая система отношений устраняет эти ограничения и тем самым обеспечивает индивиду право выбора, кем быть. Обращает на себя внимание содержательное сходство этих установок с идеями Возрождения и Просвещения, согласно которым личность, освобожденная от ограничений, накладываемых традициями, религией, законами феодально-сословного общества, в полной мере способна к свободному творчеству.

Рассмотрим противоположную тенденцию, связанную с трансформацией модерна в постмодерн. Российский исследователь А. С. Панарин отмечает среди основных особенностей модерна скептицизм, софизм и эпикурейство. При этом «если указанные течения *сомневались* в нормах морали и культуры, то постмодернизм уже *не сомневается*

в их отсутствии — он положительно утверждает ценностно-нормативную пустоту» [6, с. 193—194]. Здесь наблюдается противоречие: множественность норм и идеалов трансформируется в признание отсутствия норм и идеалов. Ситуация же отсутствия предмета выбора делает абсурдной саму постановку проблемы выбора. Сходным образом множество возможных идентичностей приводит к ситуации отсутствия определенной, цельной идентичности. В этой ситуации исчезает сама личность как носитель идентичности.

Эту тенденцию отмечал и русский философ И. А. Ильин: «...Народ, потерявший *оседлость жилья, крепость семьи и уважение к труду*, становится беспочвенным и политически несостоятельным; он приближается к римскому плебсу эпохи цезаризма» [3, с. 171]. Иными словами, утрата национальной и кровнородственной идентичности приводит к утрате целостности личности и превращает индивида в объект глобальных манипуляций. Таким образом, требование расширения свободы личности приняло превращенную форму, трансформировалось в исчезновение устойчивой системы идентичностей личности, что создало риск для существования личности как таковой. Следовательно, идея свободы личности трансформировалась в доведенную до предельной, превращенной формы концепцию, которая превращает свободу в ее противоположность: личность утрачивает устойчивое сочетание идентичностей и становится предметом манипуляций.

Таким превращенным пониманием личности и ее свободы во многом обусловлены явления социально-политической практики западноевропейских государств. Одной из основ существования либеральной демократии считается возможность диалога, поиска консенсуса или компромисса между различными социальными группами. Для этого существуют гарантированные государством свобода выборов, свобода собраний, распространения и получения информации. За счет

этого обеспечивается как подконтрольность власти гражданскому обществу, так и ненасильственное социальное взаимодействие в обществе. Однако в последнее время в таком подходе к общественному диалогу наблюдается противоречие, связанное с распространением «культуры отмены». Суть этого явления следующая: из общественного диалога, а зачастую и из системы социальных связей, исключаются индивиды, обвиняемые в отступлении от принятых в социуме ценностей. Подобного рода нетерпимость, считает В. Л. Иноземцев¹, противоречит одной из основ демократического общества: «Ежедневно сталкиваясь с необходимостью учета чужого мнения и чужих прав, люди становятся менее склонными к антисоциальным формам поведения; у них возникает более четкое понимание границ частной жизни и принципа неприкосновенности личности» [4, с. 236]. Иными словами, одной из основ либеральной демократии является требование толерантности к различным системам ценностей и мировоззренческим позициям. На этой базе, пишет Ф. А. фон Хайек, «демократические правительства успешно функционировали там, где их деятельность ограничивалась в соответствии с господствующими убеждениями теми областями общественной жизни, в которых мнение большинства проявлялось в процессе свободной дискуссии. Великое достоинство либерального мировоззрения состоит в том, что оно свело весь ряд вопросов, требующих единодушного решения, к одному, по которому уже наверняка можно было достичь согласия в обществе свободных людей» [11, с. 88]. Таким образом, сосуществование в обществе различных социальных групп с различными мировоззренческими установками и системами ценностей предполагает отказ от дискриминации на основании разделяемых индивидом систем ценностей и требует поиска компромисса в ходе общественного диалога. Замена же общественного диалога практикой «отмены» указывает на противоречия

в практике западноевропейской демократии.

В связи с этим допустимо предположить, что трансформация защиты личности против дискриминации в «культуру отмены» также связана с общей тенденцией превращенного понимания свободы в западноевропейской культуре. Трансформация свободы в моральный релятивизм привела к проблеме поиска ценностной базы для общественного диалога. Пример такого рода ценностной базы обнаруживается в посвященном «креативному классу» исследовании Р. Флориды: «Многих представителей этого класса возмущает неравенство возможностей и отталкивает система, направленная против большинства членов общества и нерационально расходующая природные и человеческие ресурсы. Такие установки и порывы и есть тот политический настрой, который можно использовать и который уже используется для того, чтобы изменить ситуацию к лучшему» [10, с. 16]. Так был выделен ряд установок, соответствующих ценностям технического, социального и нравственного прогресса, а также социальная группа, установки и интересы которой в наибольшей степени отражают данные ценности. В соответствии с этим, утверждает И. Валлерстайн, «формой, которую приняло требование “демократизации” в последние 25 лет, стало требование больших прав для “групп”: для “большинства” внутри любого государства, не являющегося либеральным, и в еще более жесткой форме — для “меньшинств” внутри любых государств, которые провозгласили себя либеральными» [1, с. 162—163]. Таким образом требование защиты прав личности от тоталитарного давления государства трансформировалось в защиту идеологических установок и социальных групп как носителей этих установок, что стало моральным оправданием для «отмены» — социальной санкции за несоответствие идеологическим установкам.

В модернизации современного западноевропейского общества наблюдаются

тенденции к переходу новых, более эффективных и совершенных форм социального бытия в превращенное, зачастую доведенное до абсурда состояние: представление об идентичности как результате произвольного выбора личности приводит к исчезновению мировоззренческих и ценностных основ человеческого бытия. Это, в свою очередь, может служить объяснением и ценностного раскола современного западного общества, и соответствующей трансформации его социально-политических практик.

Список литературы и источников

1. **Валлерстайн И.** После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
2. **Гайдар Е. Т.** Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1997. 366 с. (Мой 20 век).
3. **Ильин И. А.** Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 1 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993. 493 с.
4. **Иноземцев В.¹** Несовременная страна: Россия в мире XXI века. М.: Альпина Паблишер, 2018. 406 с.
5. **Крастев И., Холмс С.** Свет, обманувший надежды: Почему Запад проигрывает борьбу за демократию / пер. с англ. А. Соловьева. М.: Альпина Паблишер, 2020. 354 с.
6. **Панарин А. С.** Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 280 с.
7. **Райт Р.** Моральное животное / пер. с англ. А. Чечиной, К. Карповой. М.: АСТ, 2020. 512 с. (Наука, идеи, ученые).
8. **Тоффлер Э.** Третья волна. М.: АСТ, 2009. 795 с. (Philosophy).
9. **Тоффлер Э.** Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с. (Philosophy).
10. **Флорида Р.** Креативный класс: люди, которые создают будущее / пер. с англ. Н. Яцюк. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 373 с.
11. **Хайек Ф. А. фон.** Дорога к рабству. М.: Фонд Либерал. миссия: Новое изд-во, 2005. 264 с. (Б-ка Фонда Либеральная миссия).
12. **Шпенглер О.** Закат Европы / пер. Н. Ф. Гарелина; авт. вступ. ст. А. П. Дубнов, авт. коммент. Ю. П. Бубенков, А. П. Дубнов. Т. 1. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. 584 с.

References

1. Wallerstein Immanuel. *After Liberalism*. New York: The New Press, 1995. 288 p.
2. Gaydar E. T. *Days of Defeats and Victories*. Moscow: Vagrius, 1996. 366 p. (In Russian). *Moi 20 vek*.
3. Ilyin I. A. *Collected Works*. Vol. 2. Book 1. Comp. and comment. by Yu. T. Lisitsa. Moscow: Russkaya kniga, 1993. 493 p. (In Russian). 10 vols.
4. Inozemtsev V.¹ *Antiquated Country: Russia in the 21st Century World*. Moscow: Al'pina Publisher, 2018. 406 p. (In Russian).
5. Krastev Ivan, Holmes Stephen. *The Light That Failed: A Reckoning*. London: Penguin Books, 2019. 256 p.
6. Panarin A. S. *Russia in Cycles of World History*. Moscow: Moscow Univ. Publ., 1999. 280 p. (In Russian).
7. Wright Robert. *The Moral Animal: The New Science of Evolutionary Psychology*. 1957. New York: Pantheon Books, 1994. 467 p.
8. Toffler Alvin. *The Third Wave*. New York: Bantam Books, 1984. 560 p.
9. Toffler Alvin. *Future Shock*. New York: Bantam Books, 1984. 561 p.
10. Florida Richard. *The Rise of the Creative Class — Revisited*. 10th anniversary ed. New York: Basic Books, 2012. 512 p.
11. Friedrich August von Hayek. *The Road to Serfdom*. 1944. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2007. 304 p.
12. Spengler Oswald. *Form and Actuality*. Vol. 1 of *The Decline of the West*. London: George Allen & Unwin, 1918. xviii, 428, xxxi p. 2 vols.

Информация об авторе

Кальней Марина Сергеевна — кандидат философских наук, доцент Института высокотехнологичного права и социально-гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, д. 1).

Information about the author

Marina S. Kalney — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology, (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию: 30.01.2024.

The article was submitted: 30.01.2024.